

Ревю

«Тело —

Роль в фильме «Натали» закрепила за Эмманюэль Беар славу самой чувственной французской актрисы Фото: AFP

«01 стр Проститутки — женщины, которых используют мужчины (а в «Натали» их место занимает другая женщина, сыгранная Фанни Ардан). Считаете ли вы как исполнительница роли Натали, что в фильме говорится о подчинении женщин мужчинам?

Женщины не должны подчиняться мужчинам. Более того, они им подчиняются лишь на время краткого фрагмента своей жизни, и это иногда рождает в них желание взбунтоваться. Потребовать справедливости! Тогда что-то просыпается внутри женщины, что-то

сильное и необычное. Проститутка подчиняется мужчине лишь в том смысле, что она абстрагируется от собственных желаний, чтобы доставить удовольствие другому. Но на характер это не накладывает отпечатка.

Вы играете настоящую профессионалку. Как вы представляете себе профессионализм, когда речь идет о ремесле продажной женщины?

Поймите, на свете нет и не было ни одной маленькой девочки, которая мечтала бы: «Когда вырасту большой, стану прости-

«Поймите, на свете нет и не было ни одной маленькой девочки, которая мечтала бы: «Когда вырасту большой, стану проституткой»

Эмманюэль Беар — Газете

мой рабочий инструмент»

Эмманюэль Беар — Газете

туткой». Безусловно, моя героиня Натали не выбирала эту профессию по доброй воле. Но с того момента, как она стала проституткой, она стала исповедовать профессионализм. А профессионализм в таких случаях заключается в том, чтобы никогда не показывать посторонним, как тебе трудно. Если секс становится товаром, то она готова им торговать. Но встреча с другой женщиной, Катрин (которую сыграла Фанни Ардан), открывает для нее окно в другой мир.

Вы намекали на то, что между профессиями проститутки и актрисы есть параллели...

Разница исключительно в том, что актрисам гораздо больше платят.

Вы часто снимаетесь обнаженной. Почему вы соглашаетесь на то, что отвергли бы многие другие актрисы, — лишь из желания нарушать табу?

Много лет назад я занималась классическими танцами, и уже тогда у меня установились совершенно особенные взаимоотношения с собственным телом. Часто тело доставляет вам боль, и тогда надо научиться преодолевать эту боль с единственной целью: сделать из тела приспособление для самовыражения. Будучи актрисой, я даже на секунду не могла себе представить, что могла бы разделять душу и тело — мою грудь, живот, руки, ноги, все остальное... Эти элементы неразделимы. Когда я играю роль, для которой важно показывать тело, я всего лишь делаю свою работу. Тело — мой рабочий инструмент. Но во все необязательно раздеваться, чтобы это показать. Тело служит мне одинаково верно, одета я или обнажена.

Что касается «Натали», то для съемок в этом фильме я старалась избавиться от ложной скромности, которая свойственна по природе и мне, и режиссеру — Анн. Специально для того, чтобы достичь цели, я взяла несколько уроков восточных танцев. Это помогло мне открыть в своем теле чувственность, научиться двигаться, чтобы соблазнять. А еще я занималась гимнастикой, и это тоже помогло справиться с естественной стыдливостью.

Для французов вы стали настоящим секс-символом. Как это соотносится с ролью Натали?

Натали никоим образом не являет сексуальный образ: напротив, она по-своему фригидна! Ведь на протяжении пятнадцати лет своей жизни она абстрагировалась от телесного удовлетворения. И что остается после этих пятнадцати лет? Не так много. Нельзя позволять себе схематичных обобщений: «Она разбирается в сексе» и т.д. В моем представлении образ Катрин, воплощенный Фанни Ардан, куда более пленителен и сексуален. Лично я, будь я мужчиной, тут же влюбилась бы в такую женщину. А в Натали есть что-то механическое. Как абсолютное отсутствие, создающее иллюзию присутствия че-

го-либо. Но иллюзия — лишь иллюзия, даже если мужчины в нее верят.

В «Натали» вы предстаете в качестве такой иллюзии, прекрасного ирреально-го фантазма... Это как-то отражает ваш образ в современном французском кино?

Все эти фантазмы — не более чем чья-то интерпретация; не моя. Фантазмы обычно ведут к любви, но порой они могут привести и к ненависти, в этом я уверена. Мне же надо справляться с фантазмами и продолжать свою артистическую жизнь. Фантазии — это не для меня.

Вас не пугает перспектива сняться в столь откровенном фильме и не получить никакой отдачи со стороны критиков и зрителей?

Честно говоря, я предпочитаю жить полной жизнью — отдаваться, выкладываться полностью на съемках в течение двух с половиной месяцев, находясь в компании людей, которые заставят меня мечтать, откроют мне неожиданные возможности (как это сделала Фанни Ардан, к примеру)... даже если фильм получится плохим. По меньшей мере, у меня останется воспоминание об этих нескольких неделях, своего рода эхо. Это мне нравится куда больше, чем принимать участие в съемках превосходного фильма и скучать, засыпать на площадке. Важно, чтобы кинематограф был частью жизни. Чтобы он был моментом, когда тебя охватывает возбуждение, когда ты получаешь удовольствие, не сравнимое ни с чем другим. Кино не должно выноситься за скобки повседневной жизни, оно должно быть внутри жизни, чтобы невозможно было отделить одно от другого.

Добавляете ли вы, исполняя роль, какие-то новые черты своему персонажу?

Это вопрос очень личный. Сценарий — тот путь, который продлевает история, чтобы

стать фильмом. И что-то в этой истории задевает ваше воображение. Тогда вы начинаете создавать персонаж. Сперва мысленно, затем — примеряя костюмы, и наконец вы оказываетесь в некоей ситуации уже на съемочной площадке. Вынужденно, по животному вы ищете свое место, свою позицию. В этот момент вдруг неизвестно почему, глядя на своего партнера, видя его лицо, его движения, слушая слова, записанные в сценарии, но отныне принадлежащие ему, вы начинаете менять своего персонажа, соотносить его с собой, искать и находить в нем собственные черты.

Импровизация приходит неминуемо, ведь ты и только ты играешь эту роль в данный момент. Почувствовав это, ты входишь в персонаж. Я почувствовала это на съемках «Натали». Ей платят за удовлетворение, но создается ситуация, в которой нет места равноценному обмену. И когда я это чувствую, во мне, Эмманюэль, что-то просыпается. Мужчина пытается что-то получить от меня, а я стараюсь его соблазнить и вдруг говорю себе: «Боже мой, почему же ни в одном интервью меня не спрашивали о том, что я чувствую в этот момент!» Наверное, не спрашивают, потому что могут прочесть ответ в моих глазах. Так даже лучше — пусть читают в глазах, и я не буду вынуждена ничего объяснять на словах.

Вашу героиню зовут Марлен — хотя и это, по всей видимости, псевдоним, но для работы, которую ей предлагают в фильме, она меняет имя, становясь Натали. Для вас это имя что-то значит? Есть такая песня Жильбера Беко — «Натали». Мне не кажется, что это имя что-то значит для меня, кроме этой песни... Может, оно должно что-то значить для зрителя, а не для актрисы? А песня была хорошая. Я бы спела вам ее сейчас, но голоса нет. Попросите Фанни Ардан — она споет.

газета

самая привлекательная

Французская актриса Эмманюэль Беар родилась 14 августа 1965 года в семье поэта и певца Ги Беара. Детство она провела на ферме в Провансе, а позднее родители отправили ее учиться в Канаду. В Монреале Эмманюэль познакомилась с режиссером Робертом Олтманом, который и уговорил ее стать актрисой. С самого начала карьеры Беар поражала умением находить применение своему таланту в самых разноплановых ролях, будь то воплощение невинности в фильме «Манон с источниками» (1986), истеричка из комедии «Налево

от лифта» (1988) или муза стареющего художника в «Прекрасной спорщице» (1991). Успела Беар покорить и Голливуд, снявшись в 1996 году в роли злодейки в боевике «Миссия невыполнима» режиссера Брайана де Палмы. Долгое время предметом светских пересудов была связь Эмманюэль Беар с актером Даниэлем Отем (они познакомились еще в 1985 году на съемках картины с говорящим названием «Любовь украдкой») — свои отношения пара перенесла на экран в фильмах «Сердце зимой» (1992) и «Французская женщина» (1995). Не так давно российские зрители могли видеть Эмманюэль Беар в радикальном мюзикле Франсуа Озона «Восемь женщин» (2002).